24.05.2024 / 23:02

«Тюремщики ударили меня головой намеренно. То же самое, думаю, сделали и с Витольдом Ашурком»

49-летний Геннадий — отец-одиночка и земледелец из Ляховичей. В 2021 году был приговорен к двум с половиной годам колонии в условиях усиленного режима за якобы сопротивление милиционеру и оскорбление Лукашенко. Срок отбывал в ИК-17 в Шклове. Политзаключенный отсидел его полностью, вышел на свободу в декабре 2023 года и несколько недель назад вместе с сыном выехал из Беларуси. Об аде шкловской колонии и других испытаниях Геннадий рассказал «Новаму часу».

«Случалось, по два раза в день задерживали»

— Я всегда был против Лукашенко и созданной им системы, всем друзьям и знакомым так и говорил: «Мы живем за колючей проволокой», — рассказывает Геннадий. — В двадцатом году, после масштабных фальсификаций итогов выборов, после насилия в отношении белорусов я начал закипать еще больше. Не мог смириться с этим кошмаром. Ну как такое может быть в двадцать первом веке в центре Европы? Начал действовать еще активнее и решительно.

Случалось, меня по два раза в день задерживали. Бросали на сутки, облагали штрафами. Милиционеры даже мой велосипед забрали — мол, на покрытие суммы штрафов.

После акции памяти Романа Бондаренко в Ляховичах задержали почти всех участников. Штрафы присудили драконовские. Мне дали 40 базовых.

Но я не остановился. Как я мог?

«Участковый расстегнул кобуру, чтобы пристрелить нашу собаку»

18 марта 2021 года за отцом и сыном Смирновыми пришли. Накануне Геннадий и Вячеслав расклеивали по Ляховичам листовки.

— Сначала к нам стучался сотрудник МЧС. Дверь мы не открыли, — вспоминает Геннадий. — Вскоре пришел человек в штатском. Как выяснилось потом, это был капитан Ляховичского РОВД Андрей Черенкевич, который недавно умер, а накануне смерти получил звание майора.

Видите, кара нашла его. Но жаль, что не дожил до суда: очень хотел бы увидеть его в наручниках.

Майор Андрей Черенкевич

В скором времени сын Слава поехал на учебу, но в переулке по дороге его уже ждали силовики. Стерегли специально. Знали, что сын будет идти именно этой дорогой.

Я был в доме, играл в шахматы в телефоне, как вдруг заметил боковым зрением, что человек десять волокут сына. Сразу выключил мобильник, быстренько спрятал в надежное место, выскочил в шлепанцах на улицу, а мне в этот момент с трех сторон начали совать в лицо служебные удостоверения. Увидел, что сбоку двое милиционеров волокут Славика, а участковый, майор Сергей Гомисарович Исаханов, расстегивает кобуру, чтобы пристрелить нашего пса, которого сын успел спустить во время облавы.

Геннадий Смирнов с собакой

Я быстро сориентировался, подбежал к собаке и взял ее на руки. Спрашиваю: «Куда везете сына?» Милиционеры солгали, что Слава сидит в машине. На самом деле, как оказалось позже, сын в это время уже был в РОВД, сидел там в наручниках.

Визитеры провели обыск, но, слава богу, не нашли сумку с листовками и трафаретами. Нашли бумажку со стихотворением, который я написал во время протестов и зачитывал на маршах:

«Дорогие белорусы!

Мы сегодня вдоль домов шагаем грустно,

Как и ОМОН.

Но придет и наше время!

Свергнуть лукашизм с земли,

Станем с флагом бело-красно-белым

В стране для жизни, милые мои».

Это стихотворение силовики приложили к уголовному делу: отцу и сыну, как выяснилось, шили оскорбление Лукашенко.

«Хотели поднять дух людей»

После обыска Геннадия также забрали. Смирновых поместили в ИВС, где они сидели в соседних камерах. Геннадий объявил сухую голодовку. В камере к Смирновым постоянно подсаживали «уток» — эти эпизоды впоследствии фигурировали в материалах уголовного дела.

Через три дня мужчин выпустили под подписку о невыезде.

Несмотря на открытое уголовное дело, Геннадий принял участие в очередной акции протеста в Ляховичах.

— Мы тогда вышли с бело-красно-белыми флагами на прогулку. Это было 3 августа — почти годовщина с момента выборов, — вспоминает бывший политзаключенный. — Мы хотели поднять дух людей. Акция закончилась задержаниями. Другу, который был со мной, дали десять суток, мне — пятнадцать.

На третьи сутки ко мне подсадили провокатора. Я бросал курить в тот момент, а он все подстрекал меня: «Давай покурим». Думаю, служаки рассчитывали, что я зарвусь и ударю его, и таким образом они получат основание для возбуждения уголовного дела за «нанесение тяжких телесных повреждений». Но я держался и не поддавался на провокации. На восьмые сутки мне отключили холодную воду. Пришлось набирать в бутылки горячую, а после остужать.

На тринадцатые сутки против меня все же сфабриковали новое уголовное дело: за якобы сопротивление с применением насилия в отношении милиционера. Все было шито белыми нитками, никаких доказательств служаки не имели. Из ИВС меня уже не выпустили. На свободу я вышел только через два с половиной года.

На суде вину я не признал. Возможно, потому что не было никаких доказательств, мне дали относительно небольшой срок. Я боялся, что влепят лет 5-6, так как судили меня по двум статьям: за сопротивление милиционеру и оскорбление Лукашенко.

Накануне ареста многие друзья говорили мне, чтобы уезжал. Я отвечал им: «Моя совесть чиста, я не нарушал никаких законов, ну за что меня могут посадить?»

«Камера напоминала колодец»

Геннадий до суда содержался в Барановичском следственном изоляторе, попадал в карцер. В знак протеста держал сухую голодовку. Накануне наказания политзаключенный почувствовал себя плохо и попросил сотрудников, чтобы те вызвали врача. Когда тюремный медик пришел, то высокомерно произнес: «Как вы посмели побеспокоить меня в выходной?»

Вместо оказания медицинской помощи Геннадия прислали в карцер:

— Некоторое время меня держали в старом корпусе. Камера напоминала колодец: темная, метр восемьдесят на три, в высоту метров с пять, узкие двери, норы из разных по длине досок, которые наполовину закрывали туалет. Там же – изогнутая труба с водой, якобы кран. Но прямого доступа к воде не было: ее включал сотрудник. Высоко вверху круглое окно, батарея — в стене, тепла вообще не чувствовалось. Две бетонные тумбы — что-то вроде стола и стула. Пол также из бетона. Ужасные условия, настоящее средневековье.

Во время пребывания в барановичском СИЗО мы, политзаключенные, были убеждены, что выйдем на свободу до конца 2021 года. После думали, что ко Дню Воли в марте, после снова на что-то рассчитывали, а потом просто перестали насчет этого задумываться, — говорит собеседник.

«К этому осужденному применить все возможные спецсредства и физическую силу»

Геннадий говорит, что в шкловской колонии он был в плену физически, но морально чувствовал себя свободным. За свои принципиальность, дерзость и мужество бывший политзаключенный более 200 суток провел в ШИЗО и ПКТ.

— Во время так называемых утренних и вечерних проверок в штрафном изоляторе я отказывался здороваться с руководством и читать доклад. Называл свои ФИО и говорил, что я незаконно осужден, — продолжает Геннадий. — Начальник колонии Корнеенко и его заместитель били меня за это по ногам, я при этом стоял на растяжке. Позже дежурный помощник начальника колонии Сазонов сказал прямо: «Сейчас ты здесь ляжешь».

Я ответил ему: «Надо будет — лягу».

Руководство после избиения сказало сотрудникам: «К этому осужденному применить все возможные спецсредства и физическую силу». Но я был готов и к этому.

Когда грелся в ШИЗО о батарею, получил ожоги на ногах и руках. Батареи были очень горячие. Но саму камеру они не обогревали, в помещении специально создавался сквозняк, окно было открыто на улицу, окно на дверях тоже. А на улице в этот момент было примерно минус пятнадцать градусов мороза. В таких условиях я находился 10 суток.

Когда сидел в ПКТ, написал письма домой, но администрация их не прислала. Моя семья месяц не знала, где я и что со мной. Лишили меня и посылки: прислали ее обратно родственникам.

Когда меня месяц держали в ШИЗО в ноябре, то морили голодом: в алюминиевую миску клали ложечку еды.

Еда уже начала мне попросту мерещиться.

«В убийстве Витольда не последнюю роль сыграл начальник режимки Карчевский»

— Когда перевели в ПКТ, наконец разрешили отовариться. Я попросил завхоза купить мне кое-что на всю разрешенную сумму. А он принес мне лишь бы что, кофейный напиток вместо кофе, и закупился только на часть суммы. Я отказался брать эту отоварку, тюремщики отреагировали на мой протест очень агрессивно: кричали, унижали, повели на «голый шмон», — вспоминает Геннадий. — Обратно в камеру вели очень быстро и вниз головой, кричали. Особенно усердствовали начальник режимки Карчевский (осужденные дали ему прозвище Маргарин) и его заместитель Галанов.

Вдруг замечаю, что меня ведут просто головой в металлическую дверь, которая была открыта нараспашку. Я притормаживаю, но голову сзади все равно разбиваю до крови. Если бы я не среагировал, удар был бы намного сильнее, не исключаю, что череп раскололся бы надвое… А так «отделался» шишкой.

Думаю, то же самое тюремщики могли сделать и, скорее всего, сделали с Витольдом Ашурком. И что в его убийстве не последнюю роль сыграл Карчевский.

Я сказал тюремщикам, что буду писать на них жалобу и объявил сухую голодовку. За это они добавили мне еще семь суток ШИЗО.

Через пару дней я заметил кровь в моче, желчь со слюной, организм начал жрать сам себя, иными словами. К тому же я был очень ослаблен из-за пыток голодом и понял, что умираю. Подумал о детях и решил прекратить голодовку.

После выхода из ПКТ меня некоторое время, можно сказать, не трогали. Хотя то и дело сутки в ШИЗО все равно давали, но так сильно уже не свирепствовали. Возможно, поняли, что это бессмысленно, что я готов идти до конца, а может, переключились на новых жертв, не знаю.

Освобождался из колонии я тоже со штрафного изолятора: получил тогда очередные трое суток.

О знакомствах с политзаключенными

— С Витольдом Ашурком мы так и не пересеклись, потому что он въехал в колонию раньше меня. Но другие политзаключенные, что с ним встретились, много рассказывали мне о нем. Говорят был очень спокойный, позитивный, всех подбадривал, говорил, что до конца мы свои сроки сидеть не будем, обязательно выйдем раньше.

За решеткой я встретил много политзаключенных, со многими из них, которые уже освободились, до сих пор в контакте.

Против некоторых парней завели статью за неповиновение администрации, добавили сроки, кого-то прислали на крытую тюрьму.

Часть меня еще осталась за решеткой, с ними, нашими мучениками. Все время думаю о них, представляю, как они лежат там сейчас, на нарах, мерзнут в ШИЗО…

Вячеслав и Геннадий Смирновы на свободе

«Понимали, что все идет к очередной посадке»

— Я освободился с двумя годами превентивного надзора. В покое меня не оставляли ни на минуту: продолжали сажать на сутки, облагать штрафами, присылать на принудительные отработки.

Условия на сутках стали еще более жесткими. Нас держали в ИВС Ляховичей без матрасов, без ничего. Даже в ШИЗО можно было иметь туалетную бумагу, зубную щетку, пасту и полотенце. В Ляховичском же ИВС — нет.

Каждый день меня бросали в новые камеры, иногда в одиночки. После подсаживали ко мне провокаторов и психов.

Слава освободился с «химии» вскоре после меня, но милиция не позволила мне его встретить.

Мы с сыном поняли, что все идет к очередной посадке, и решили уезжать из Беларуси.

«Подумываю написать о пережитом книгу»

— Сейчас мы в безопасности, восстанавливаемся. Съездили в санаторий. Но на чужбине мне тяжело… Пока что не могу здесь привыкнуть и прижиться. Скучаю по своим соткам, по саду… Тоска по родине очень сильная.

Подумываю, чтобы написать о пережитом книгу. Единственное, что сейчас у меня период адаптации, трудно сконцентрироваться. Поэтому отложил это на потом.

Тяжелый опыт забрал много здоровья, сил, нервов, но я ни о чем не жалею. Мне никогда не будет стыдно смотреть в глаза своим детям и будущим внукам. Я же выходил и за них. В первую очередь за них. И их будущее.

Читайте также:

68-летнему жителю Ляховичей вынесли драконовский приговор: семь лет колонии и огромный штраф

«Оклемался, значит, все нормально». Экс-политзаключенный рассказал, как перенес аллергию на плесень в тюрьме

«Я просил их бить меньше, потому что у меня не свертывается кровь». Политзаключенный со сложным диагнозом рассказал, как пережил арест, СИЗО и колонию

История шкловской колонии, в трех километрах от которой когда-то жил Лукашенко

Nashaniva.com

ЧИТАЙТЕ ЕЩЕ

«Разозлился чего-то преподаватель». У политобозревателя Тура в дипломе стоит 4 по десятибалльной по политологии

На предприятиях «Беллегпрома» шить постельное белье будут роботы

В Минске военнобязанных призывают в тероборону — их отправят на парад

Польский пограничник, на которого напал нелегальный мигрант, находится в тяжелом состоянии